

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 7

**Санкт-Петербург
2008**

Л.П. Гороховская

Воплощение богини любви в художественном образе*

Одной из центральных проблем как истории, так и вообще осмысления мира, является проблема взаимоотношений Запада и Востока. В искусствоведении она рассматривается через соотношение художественной формы и содержания произведения в зависимости как от личности творца, так и от культурно-исторического состояния той или иной цивилизации, страны, эпохи. Особенно ярко это проявляется в древности, в которой творческая индивидуальность в большей степени зависела от окружающего мира и его мировоззрения, чем в новое время. Важнейшей фигурой древнего искусства являлось божество, и именно на примере воплощения родственных фигур пантеонов того или иного народа можно проследить различия в их художественном воплощении. В этом отношении наиболее наглядным оказывается сравнение таких чрезвычайно распространенных в древности богинь, как греко-римская Афродита-Венера и западно-семитская Астарта. Обе они были первоначально богинями плодородия, принадлежа к самому древнему слою религиозных представлений о производящей силе природы. Позже функции и Афродиты, и Астарты были перенесены на мир людей, и они стали богинями человеческого плодородия и в конечном итоге – человеческой любви¹. Их тесная связь

* Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ «Системный анализ исторической традиции религиозно-мифологической константы древнегреческой культуры» (06-06-80195).

¹ Об Астарте в этом отношении: Lipinski E. *Dieux et déesses de l'univers phénicien et punique*. Leuven, 1995. P. 130-132; об Афродите: Guirand F., Schmidt J. *Mythologie*. Paris, 1996. P. 168; Селиванова Л. Л. *Χρυσόθρονος Ἥρα*. Формирование олимпийского пантеона // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 39.

с самыми интимными сторонами человеческой жизни обеспечила им широкое и долговременное распространение. Правда, проблема происхождения Афродиты и ее культа в Элладе довольно сложна. В микенских документах никаких следов ее культа до сих пор не встречено. Само имя богини не имеет греческой этимологии². Указание на иноземное происхождение часто видят в том, что в «Илиаде» Афродита выступает верной сторонницей троянцев³. По-видимому, Афродита первоначально была чужда греческому миру и распространилась в Элладе в «темные века», т. е. в XI-IX вв. до н. э., но довольно быстро выдвинулась в ряды наиболее значимых божеств Греции. И уже Гесиод называет ее среди великих богов, которых славит Муза (О происхождении богов, 16)⁴. Т. к. место богини плодородия в греческом пантеоне было уже прочно занято другими божествами (в том числе Деметрой), то в Афродите в большей степени были подчеркнуты функции, связанные с человеческим, а не с природным миром. В той же поэме Гесиода (203-206) она выступает именно в этом качестве⁵. Римская Венера сначала являлась богиней весны и нарождающейся зелени и покровительницей пробуждения сил, а т. к. важнейшим проявлением внутренних сил человека является любовь, то она стала и богиней любви и, наконец, практически полностью слилась с Афродитой⁶. Астарта же оставалась в значительной степени богиней плодородия в самом широком смысле, приобретая и функции покровительницы появления новой жизни⁷. Астарта оставалась самостоятельной фигурой западно-семитского пантеона до самого конца язычества, хотя порой ее и сравнивали с различными греко-римскими богинями, чаще всего с Афродитой-Венерой. Филон Библиский, почти систематически отождествляя финикийские божества с греческими, для Астарты, как

² Откупщиков Ю. В. Этимология и устное народное творчество // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб, 2008. С. 37.

³ Fauth W. Aphrodite // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 427.

⁴ Перевод В. Вересаева: Эллинские поэты. М., 1963. С. 170.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ Seyffert O, Nettleship H., Sandys J. E. The Dictionary of Classical Mythology, Religion, Literature, and Art. New York, 1995. P. 681.

⁷ Lipinski E. Dieux et déesses... P. 132-136.

для очень немногих фигур финикийского пантеона, делает исключение. Видимо, для грекоязычного читателя никаких проблем в понимании Астарты уже не было. Но в то же время Филон прибавляет, что сами финикийцы считают Астарту той же богиней, что и Афродита (fr. I, 32)⁸.

Афродита всегда изображалась в виде красивой женщины, насколько эта красота соответствовала эстетическому идеалу времени и тогдашнему опыту художника. После того как были установлены принципы пропорций, при соблюдении которых фигура становится гармоничной, эти принципы стали применяться и при изображении Афродиты. В более раннее время ее обычно изображали одетой. Такой Афродита предстает на так называемом «троне Людовизи», где представлено ее рождение, такой изобразил Афродиту Фидий на фронтоне Парфенона. Одетой, но в то же время с ясно просвечиваемым телом создал Афродиту Каллимах⁹ (так называемая «Афродита в садах»). Начиная с IV в. до н. э., Афродита обычно предстает обнаженной или полуобнаженной. Первой такой статуей явилась знаменитая Афродита Книдская Праксителя, вызывавшая восторг современников и потомков¹⁰. Уже в том же IV в. Платон писал:

В Книд чрез пучину морскую пришла Киферея-Киприда,

Чтобы взглянуть на свою новую статую там.

И, осмотрев ее всю, на открытом стоящую месте,

Вскрикнула: «Где же нагой видел Пракситель меня?»¹¹

Постепенно формы статуй Афродиты становятся более нежными, контуры – более мягкими, общий облик – более чувственным,

⁸ В некоторых случаях, особенно в начале эллинистической эпохи, действительно, имело место отождествление Астарты и Афродиты (Lipinski E. *Itineraria Poenicia*. Leuven; Paris, 2004. P. 152-156). Но в целом культ Астарты остался в финикийском мире совершенно самостоятельным, никак не сливаясь ни с каким греческим или римским.

⁹ Раньше эту статую приписывали ученику Фидия Алкамену; сейчас больше склоняются к авторству его современника Каллимаха: Виппер Б. Р. *Искусство Древней Греции*. М., 1972. С. 227-228. Впрочем, вопрос этот не решен до сих пор.

¹⁰ Пракситель еще оправдывал изображение обнаженной богини темой статуи: купание Афродиты: Виппер Б. Р. *Искусство...* С. 252.

¹¹ Перевод Л. Блуменау: *Греческая эпиграмма*. СПб, 1993. С. 45.

как в статуе Афродиты Каллипиги. В этих произведениях уже совершенно отсутствуют функции богини, и перед нами – идеал красоты соответствующего времени, как это можно увидеть в знаменитой Афродите (или Венере) Милосской или эрмитажной Венере Таврической. Поэтому-то Афродита-Венера как идеал красоты, подобно многим другим идеалам античного мира, продолжала жить в европейском сознании и искусстве и после гибели античного мира.

Астарта была одной из самых почитаемых богинь переднеазиатского культурного круга, восходя еще к временам обще-семитской общности¹². Во втором тысячелетии до н. э. в Угарите она отступала на второй план, уступив первое место близкой ей богине Анату¹³, но в первом тысячелетии до н. э. она оказалась самой почитаемой богиней во всем семитском Восточном Средиземноморье. Ее культ был широко распространен и в Палестине. Статуя Астарты даже стояла в иерусалимском храме (Судьи, 2, 13; I Царств, 7, 3-4; 31, 10; II Царств, 23 13). Именно поэтому во время утверждения еврейского монотеизма она являлась объектом наиболее яростных нападок пророков и других сторонников единобожия. При проведении царем Иосией религиозной реформы, приведшей к окончательному утверждению монотеизма в Иудее, статуя Астарты была вынесена из храма и сожжена (IV Царств, 23, 4). За пределами же иудейского общества культ этой богини продолжал не только процветать, но и широко распространяться. Ее почитали и финикийские колонисты в различных уголках Средиземноморья, и этруски, отождествлявшие ее со своей богиней Уни, и местные жители Испании, Сицилии и Северной Африки¹⁴. История Астарты завершилась только с утверждением христианства. Последний храм Астарты в Финикии был уничтожен землетрясением лишь в VI в. н. э.

Естественно, что различные изображения Астарты были широко распространены во всем Восточном Средиземноморье – и

¹² Bonnet C. Astarte. Roma, 1996. Passim.

¹³ Шифман И. Ш. Культура древнего Угарита. М., 1987. С. 88-89, 91-92.

¹⁴ Lipinski E. Dieux et déesses... P. 136-152; Blázquez J. M. Religiones prerromanas. Madrid, 1983. P. 39-48; Pallottino M. Scavi nel santuario etrusco di Pirgi // Archeologia classica. 1964. T. 16. P. 76-100.

в Финикии, и в Сирии, и в Палестине. Чаще всего это – фигурки обнаженной женщины, сжимающей руками грудь, что подчеркивает плодоносящую силу богини. Но имеются и другие изображения – «женщина в окошке», где богиня представлена как бы смотрящей из дворцового окна на мир, над которым она властвует, богиня, стоящая на царственном звере льве и т. д. Порой богиню представляли в виде конуса, стоящего на троне, как это было изображено на монете Сидона 2 в. н. э., или храме, как изображено на одной из монет Кипра уже 3 в.. А иногда для представления Астарты было достаточно изображения царского трона, на котором она восседала невидимой, как это было в том же Сидоне. На некоторых стелах Астарту представляет лишь заштрихованный треугольник¹⁵. Во всех этих изображениях в первую очередь подчеркиваются функции богини, а иногда и все изображение только к представлению этих функций и сводится. Такие изображения были свойственны всему времени почитания Астарты, и они мало зависели от места или времени их создания. Появляются они и в эллинистическо-римское время, когда финикийские мастера превосходно усвоили приемы эллинских художников и создавали произведения, ничем не уступающие работам греков.

Эти различия в художественной трактовке двух родственных божественных фигур объясняются различием в менталитете античного и ближневосточного миров, в их абсолютно разном подходе к воплощению богов и богинь в зримых образах, в понимании красоты как таковой. Это хорошо видно, например, в поэзии. Уже отмечено исследователями парадоксальное, с точки зрения и античного грека, и современного европейца, описание возлюбленной в библейской «Песне песней» (7, 2-6): О как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая! Округление бедер твоих, как оже-

¹⁵ Parrot A., Chehab M. H., Moscati S. *Les Phéniciens*. Paris, 1975. P. 54-56, 110; Harden D. *The Phoenicians*. Harmondsworth, 1980. P. 94-95; *Les Phéniciens*. Paris, 1997. P. 351, 380-382, 392; Blázquez J. M., Alvar J., Wagner C. G. *Fenicios y cartagineses en el Mediterráneo*. Madrid, 1999. P. 225-229.

¹⁶ Аверинцев С. С. *Греческая литература и ближневосточная «словесность»* // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 227-228.

релье, дело рук искусного художника; живот твой – круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое – ворох пшеницы, обложенной лилиями; два сосца твои – как два козленка, двойни серны; шея твоя – как столп из слоновой кости; глаза твои – озерки Есевонские; нос твой – башня Ливанская, обращенная к Дамаску; голова твоя, как гора Кармел, и волосы на голове твоей, как пурпур¹⁶. И двумя тысячелетиями раньше в угаритской поэме «О Карату», рассказывая о невесте царя, говорится, в частности, что «очи ее – чаши алебастровые, отделанные сердоликом»¹⁷. В противоположность такому метафорическому изображению автор гомеровского гимна к Афродите VII в. до н. э. описывает возлюбленную героя Анхиза (т. е. ту же богиню, но притворившуюся смертной):

Ярко блестели на теле витые запястья и пряжки,
и золотые висели на шее крутой ожерелья,
разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
месяц вкруг нежных грудей Афродиты светился чудесно»¹⁸.

И через четыре столетия Леонид Тарентский так описывает «Киприду, вставшую сейчас из лона вод и мокрую еще от пены... Вот руки подняла, чтоб выжать волосы, и взор уже сверкает страстью нежную, и – знак расцвета – грудь кругла, как яблоко»¹⁹.

Все это отражало различие в самой сути соответствующих цивилизаций. Античная цивилизация, как это признано, была антропоцентрична, в ее центре стоял человек (точнее, полноправный гражданин)²⁰, а западно-семитская – теоцентрична²¹. Античные боги были такими же людьми, только бессмертными и совершенными. Характерно, что в греческой мифологии тема сотворения человека занимает совершенно периферийное

¹⁷ Перевод И. Ш. Шифмана: Угаритский эпос. М., 1993. С. 48, 51.

¹⁸ Перевод В. Вересаева: Эллинские поэты. С. 81.

¹⁹ Перевод Л. Блуменау: Греческая эпиграмма. С. 129.

²⁰ О том, что гражданский характер античного общества определяет сущность античной цивилизации, см., например: Фролов Э. Д. Факел Прометея. Л., 1991. С. 10-14.

²¹ Этот вывод, например, ясно вытекает, хотя эксплицитно не выражен: Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987.

место²². В западно-семитских представлениях люди созданы богами и наподобие богов, и тема творения мира и человека является одной из центральных в мифологии. Эти различия, уже отмеченные специалистами в основном на примере литературы²³, проявляются в художественной трактовке Астарты и Афродиты особенно наглядно. Переднеазиатская Астарта изображалась в первую очередь как символ и плодородия, и царственности, и красоты, и этот символ возбуждал воображение зрителей, но далеко не обязательно должен был соответствовать внешней красоте. Античному миру такая трактовка была чужда. Феогнид еще в VI в. до н. э. писал; «Все, что прекрасно, то мило, а что не прекрасно – немило»²⁴. Идеал мог восприниматься только как соответствующий и внешней красоте тоже. Поэтому античная Афродита-Венера в первую очередь представляла внешнюю красоту, через которую раскрывалась ее внутренняя сущность. В одном случае на первое место выходит метафора, возбуждающая воображение зрителя, в другом – красота и гармония, вызывающая его восхищение и осмысление через эти качества внутренней сущности богини. В одном случае функции богини передаются непосредственно и подчас даже преувеличенно, в другом – через идеальную красоту, построенную на выверенных пропорциях. Художники Сирии, Финикии, Палестины, с одной стороны, Греции и Рима, с другой, по-разному подходили к изображению богини. Ближневосточный (может быть, правильнее – западно-семитский) подход был символическим, античный – визуальным. В Передней Азии богиня воображалась как символ, в том числе и красоты, в Греции и Риме – виделась как идеальная красота как таковая. Западно-семитскому художественному миру при изображении тех божеств, которые не слились с греко-римскими, был свойственен консерватизм и почти отсутствие изменений в трактовке образа на протяжении, по крайней

²² Ср.: Джеймсон М. Г. Мифология древней Греции // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 268.

²³ Например, Аверинцев С. С. Греческая литература... С. 205-233; Бычков В. В. Эстетика поздней античности. М., 1981. С. 21-31.

²⁴ Перевод В. Вересаева: Эллинические поэты. С. 299. Характерно, что это прославление внешней красоты поэт вкладывает в уста харитам и музам.

мере, двух с половиной тысячелетий, в то время как античному – динамизм и развитие. И эти различные принципы изображения оставались постоянными, несмотря на развитие религиозных представлений и эстетических идеалов в ближневосточном и античном мирах. Эти различия в символическом и визуальном подходах к изображению божеств в случае Астарты и Афродиты видны особенно наглядно.

